

2. Пределы культурной «оттепели»

«Оттепель» в сфере культуры предшествовала либерализации в политике. Если ограничиться только известными именами, то уже в 1953 — 1956 гг. критик В.Померанцев в вызвавшем широкий резонанс эссе «Об искренности в литературе», И.Эренбург в романе с символическим названием «Оттепель» и М.Дудинцев в романе «Не хлебом единым» поставили целый ряд важнейших вопросов: что следует сказать о прошлом, в чем миссия интеллигенции, каковы ее отношения с партией, какова роль писателей или художников в системе, в которой партия через контролируемые ею «творческие» Союзы признавала (или нет) то или иное лицо писателем или художником (как сказал Померанцев: «Я слышал, что Шекспир вообще не был членом союза, а неплохо писал»), как и почему правда повсюду уступала место лжи. На эти «кощунственные» вопросы (которые прежде обошлись бы тем, кто их поставил, по меньшей мере несколькими годами лагерей) власти, еще не определившись в своей политике, прореагировали неуверенно, колеблясь между административными мерами (отстранение поэта Твардовского, опубликовавшего эссе Померанцева, от руковод-

ства «Новым миром») и предупреждениями в адрес министерства культуры, не сопровождавшимися, однако, какими-либо санкциями.

Съезд Союза писателей (декабрь 1954 г.) прошел в достаточно откровенных дискуссиях (сам Шолохов выразил сожаление о «грязном потоке безликой и посредственной литературы», порожденной официальными заказами и отмеченной государственными премиями) и принес несколько реабилитаций в литературном мире (Булгакова, Тынянова). Съезд не вынес никаких серьезных обвинений в адрес «инакомыслящих». В то же время, вызвав столько надежд, XX съезд КПСС весьма разочаровал интеллигенцию в отношении открывавшихся перед ней творческих перспектив. Разоблачение культа личности принципиально ничего не изменило в представлениях о «функциях» гуманитариев в социалистическом обществе. Согласно Хрущеву, история, литература и другие виды искусства должны были отражать роль Ленина, а также грандиозные достижения коммунистической партии и советского народа. Директивы были четкими: интеллигенция должна была приспособиться к «новому идеологическому курсу» и служить ему. Однако съездовские разоблачения привели к мучительной переоценке ценностей среди людей, которые особенно скомпрометировали себя при Сталине. Спустя два месяца после съезда покончил с собой А.Фадеев, первый секретарь Союза писателей. Интеллигенция раскололась на два лагеря: консерваторов, во главе с Кочетовым, и либералов, где признанным лидером был Твардовский. Хрущев балансировал между этими двумя лагерями, проводя двойственную и обреченную на провал политику. Консерваторы получили журналы «Октябрь», «Нева», «Литература и жизнь»; либералы — «Новый мир» и «Юность». В области музыки и живописи власти также дали вздохнуть немного свободнее. Не отказываясь от того, чтобы руководить миром искусств и держать его в рамках дозволенного, они, не задумываясь, свалили всю вину за былое на Берию и Жданова. Шостакович, Хачатурян и другие композиторы, подвергнутые критике в 1948 — 1949 гг., восстановили свое положение. Что же касается литературы — искусства более «чувствительного», — то Хрущев неоднократно сам пытался определить степень и границы свободы писателей. Свобода распространялась главным образом на форму, откровенные ссылки на каноны «социалистического реализма» стали отходить на второй план. В то же время были сохранены все ограничения, вытекавшие из принципа «партийности», призванной «вдохновлять» писателя.

«Дело Пастернака» самым наглядным образом показало пределы десталинизации в отношении между властью и интеллигенцией. В 1955 г. Пастернак закончил роман «Доктор Живаго». Поскольку советские литературные журналы сочли роман непригодным к изданию, он вышел в свет за границей. Его мгновенный успех ухудшил и без того натянутые отношения писателя с властями. Присвоение в 1958 г. Пастернаку Нобелевской премии довело недовольство властей до пароксизма. Пастернака заставили отказаться от премии. Чтобы избежать высылки из СССР, ему пришлось написать в «Правду» заявление (5 ноября 1958 г.), в котором он объяснял, что отказался от премии по собственной инициативе и обвинял Запад в использовании его произведения в политических целях. Власти озлобились на автора не только за содержание его произведения, всем своим духом противостоявшего миропониманию, которое пыталась насадить партия; помимо этого, «дело Пастернака» ставило два других важных вопроса: о возрождении традиционной роли русского писателя, носителя правды, не потворствующего политической власти, а также вопрос об отношениях с внешним миром: посылка романа для издания за границу подрывала монополию на право общения с внешним миром, которую власти стремились сохранить за собой. «Дело Пастернака» показало пределы десталинизации с разных точек зрения: имело место не только отношение властей к «отклоняющемуся» интеллигенту, которому предъявлялся целый набор обвинений (антисоветчина, презрение к русскому народу, непростительное преклонение перед Западом из-за материальной корысти и т.д.), использовавшихся еще четверть века всякий раз, когда будут тыкать пальцем в диссидента, но также и поведение самой интеллигенции в целом. Когда столкновение между Пастернаком и властями вынудило интеллигенцию открыто сделать выбор, последняя сдавалась. Большинство писателей, созданных 27 октября 1958 г., чтобы решить вопрос об исключении Пастернака из Союза писателей, встретили аплодисментами обвинения, высказанные против нобелевского лауреата первым секретарем ЦК комсомола Семи-

частным, обвинившим Пастернака в том, что «он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит».

«Дело Пастернака» породило серьезный кризис в сознании российской интеллигенции, показавшей себя неспособной открыто противостоять давлению власти. Этот кризис для многих перерос в чувство постоянной глубокой вины и в то же время стал началом нравственного возрождения. Удовлетворенный исходом «дела» Хрущев, со своей стороны, остановил свое наступление на либералов. Более того, предпринятый в 1958 — 1960 гг. ряд шагов засвидетельствовал тенденцию к известной либерализации: Твардовскому было возвращено руководство «Новым миром»; прошедший в мае 1959 г. III съезд Союза писателей завершился уходом Суркова, выказавшего особое рвение в кампании против Пастернака, место которого в руководстве Союза занял Федин — представитель более умеренного течения. Наконец, назначение министром культуры Е.Фурцевой поначалу также показалось уступкой новым веяниям.

Тем не менее эти меры оказались недостаточными, чтобы сгладить в памяти интеллигентов удручающее впечатление, вызванное «делом Пастернака». В конце 50-х гг. возник «самиздат». Этим словом были названы машинописные журналы, родившиеся в среде молодых поэтов, писателей, философов, историков, которые по субботам встречались на площади Маяковского в Москве. Со дня открытия памятника поэту 29 июля 1958 г. площадь стала излюбленным местом встречи молодого поколения московской интеллигенции. Все попытки комсомола подчинить себе это движение и направить его в спокойное русло «революционного романтизма» не имели успеха. Когда через несколько месяцев власти запретили собрания, было уже поздно, новое поколение заставило прислушаться к своему голосу. После запрета публичных выступлений оно обратилось к подпольным изданиям. Молодым поэтом А.Гинзбургом был основан первый «самиздатский» журнал «Синтаксис», в котором увидели свет ранее запрещенные произведения Б.Ахмадулиной, В.Некрасова, Б.Окуджавы, Е.Гинзбург, В.Шаламова. Когда в 1960 г. А.Гинзбург был арестован и приговорен к двум годам лагерей за агитацию, направленную «на подрыв» советской системы, эстафету приняли другие представители молодого поколения, выступившие с новыми журналами. На авансцену вышло первое поколение диссидентов: Галансков, Буковский, Бакштейн, Кузнецов.

Появление этих маргинальных для советской системы движений совпало с проведением радикальной реформы в системе образования, вызвавшей серьезное недовольство широких слоев населения, и прежде всего интеллигенции. Эта реформа, вдохновлявшаяся хрущевской идеей «орабочивания», в теоретическом плане преследовала цель «укрепить связь школы и жизни», а на практике должна была помочь восполнить растущую нехватку квалифицированной рабочей силы и бороться против неприязненного отношения всего общества к ручному труду и техническим профессиям, от которых отвернулась молодежь всех слоев населения. Закон от 24 декабря 1958 г. заменял прежнюю систему школьного образования, предусматривавшую две формы — обязательное семилетнее образование с последующим выходом на производство и полное десятилетнее образование, — единым восьмилетним, по завершении которого выпускники были обязаны три года проработать на заводах или в сельском хозяйстве, продолжая учиться, если они этого хотели. Поступление в вуз теперь полностью зависело от работы на производстве и обуславливалось не блестящими результатами в средней школе, а производственным стажем, общественным «лицом» и политическими критериями. Помимо этого, вузы должны были оставлять все большее число мест «трудящимся» и строить сложную систему посредствующих звеньев между предприятиями и учебными заведениями. Эта реформа вызвала всеобщее недовольство. Интеллигенция и привилегированные слои общества восставали против нее потому, что она лишала их детей решающих преимуществ для получения высшего образования. Другие возмущались тем, что успехи их детей в школе, которые они полагали достаточными для дальнейшего продвижения, были дискредитированы неуместным «орабочиванием» и восхвалением производства, которое все только и мечтали покинуть. Руководители предприятий, уже столкнувшиеся с текучестью кадров (которой они были также обязаны Хрущеву), были встревожены перспективой возрастающего беспорядка из-за наплыва рабочих-студентов или «транзитных» рабочих на пути в вуз. В свою очередь приемные комиссии для поддержания уровня обу-

чения старались фильтровать разнородную студенческую массу, поставляемую им реформой. Задуманная, чтобы в обществе, вступающем в коммунизм, приблизить физический труд к умственному — давняя мечта всех утопистов, — реформа на деле вылилась в карикатурные и абсурдные кампании за «слияние школы и жизни», «жизни и науки». Сотни тысяч представителей молодежи отправились на «полуканикулы» на целинные земли, на стройки в Братск, Красноярск или на Волгу, а ученые и вообще люди интеллектуального труда использовались на физических, непроизводительных работах в ущерб их профессиональной деятельности. Хрущевская «культурная революция», если и не была столь экстремистской, как китайская, питалась теми же иллюзиями. Ее главным результатом стала потеря, прежде всего в среде интеллигенции, значительной части кредита, полученного Хрущевым после XX съезда.